

Глава 8

Проучив Лю Нин'эра, Сун Лян вконец выбился из сил. Спрятав тесак за пазуху, он провалился в глубокий сон.

Когда юноша проснулся, комнату наполнял дразнящий аромат.

Сонно протерев глаза и окончательно придя в себя, он пошёл на запах. На столе неведомо когда появилась миска с исходящей паром лапшой. Сун Лян отложил оружие и подошёл поближе: в миске виднелись овощи и даже мелко нарезанное мясо.

В доме Сунов о такой еде и помыслить не могли — разве что по большим праздникам.

«Неужели Госпожа Чжао так меня боится, что решила задобрить?»

Сун Лян не мог найти этому объяснения, но голод взял своё. Отбросив лишние мысли, он умылся и принялся за еду, быстро опустошая миску.

Пока он ел, из соседнего двора донеслись приглушённые звуки ссоры.

Сперва он не хотел прислушиваться. Его собственное положение было слишком шатким, и ему едва хватало сил разбираться с личными бедами, не говоря уже о чужих. Хотя он и вошёл в эту семью как законный фулан, каждый его поступок давал повод выставить его за ворота в любую минуту.

Покончив с едой, он всё же задумался. Яо Ань всё ещё не вернул долг, а значит, пришло время навестить деверя и потребовать своё.

***

В это время в главном доме Яо Юй уже получил удар клюкой от Старика Яо и стоял на коленях в зале, выслушивая нотации.

Юноша никак не мог взять в толк — почему?

Если уж что-то и случилось, то на коленях должен был стоять Яо Ань. При чём здесь вообще он?

Впервые в жизни всегда покладистый Яо Юй почувствовал, как в душе закипает обида.

— За что вы меня бьёте? — выкрикнул он.

— Ах ты, паршивец! Тот позор, что вы сегодня устроили у ворот, лишил семью Яо всякого лица!

Младший сын выпалил, не раздумывая, и голос его дрожал от несправедливости:

— Разве это я заварил эту кашу? Это всё затеи старшего брата, а вы вините невинного!

Старик Яо в глубине души понимал, что поступает предвзято, но то, что натворил Яо Ань, выглядело в глазах деревни совсем уж непристойно. Ему было необходимо приструнить младшего, чтобы тот вместе с матерью не вздумал помыкать старшим сыном.

Дело было не в том, что он не любил Яо Юя. Просто за тем стояла хитрая Госпожа Чжао, а у старшего, кроме отца, не осталось никого. Даже если Ань был кругом виноват, глава семьи готов был защитить его ради призрачного спокойствия в доме.

На миг его уколола совесть, но, привыкнув за долгие годы к полному подчинению домашних, старик быстро отмахнулся от этого чувства.

— Хватит об этом! Мало того, что ты не помешал драке, так ещё и сам в неё влез. К тому же Сун Лян — твой фулан, и если ты не можешь совладать с собственным супругом, то кого ещё винить?

Яо Юй окончательно вспылел:

— Если бы старший брат не путался с кем попало, доводя дело до греха, разве пришлось бы мне расхлёбывать это и жениться на Сун Ляне?!

Не успели эти слова сорваться с его губ, как в дверях показался сам Сун-тесак.

Юноша инстинктивно втянул голову в плечи, не смея поднять глаз. Он не знал, слышал ли муж его слова. У них ведь едва до первой брачной ночи не дошло, и если тот поймёт, как Яо Юй им побрезговал, то вполне может затаить обиду и прирезать его ночью во сне.

Однако, заметив стоявшего в стороне Яо Аня, который выглядел так, будто всё происходящее его не касается, юноша не выдержал. Гнев пересилил страх перед мстостью супруга.

— Отец, когда брат совершал свои «подвиги», вы и слова ему не сказали! А теперь, когда я просто не успел разнять его любовников, вы меня и бьёте, и ругаете? Брат тоже там стоял, почему вы его не вините? Если бы он вёл себя как подобает честному человеку, разве случилась бы вся эта грязь? А вы, не разбираясь, во всём вините меня!

Яо Юй всхлипнул. Обида душила его.

Госпожа Чжао молча наблюдала со стороны, как её сын, стоя на коленях, заливается слезами. Она не проронила ни слова.

Главе семьи стало совсем не по себе, но признать свою неправоту он не мог:

— Ты... что за моду ты взял — реветь как девчонка? Взрослый мужик, а распустил нюни, никчёмьш! А ну вставай немедленно!

Но Яо Юю было слишком больно. Если его так открыто притесняют, он не станет молчать. Он решил устроить настоящий скандал, чтобы выплеснуть всю накопившуюся ярость.

Стоило отцу прикрикнуть, как юноша заголосил ещё громче, так что наверняка всполошил всех соседей:

— Да я в жизни не видел такого отца! Я вам вообще родной?!

И он посыпал обвинениями одно за другим. Лицо Старика Яо потемнело.

В этот момент подала голос Госпожа Чжао:

— Раз уж тебе так плохо в этом доме, значит, пора отделяться и жить своим хозяйством.

Эти слова были обращены к сыну. Яо Юй замер. Он уставился на мать, не веря собственным ушам.

«Матушка, вы это серьёзно? Отделить меня? А как же наследство? Мы что, всё просто так отдадим Яо Аню?»

Юноша всегда знал, что мать — единственный человек в мире, который желает ему добра. Но сейчас он был в полном замешательстве: он решительно не понимал, какую игру она ведёт.

Глава семьи тоже изменился в лице. Он уже готов был взорваться гневом, когда женщина ядовито продолжила:

— Пусть всю кашу заварил старший брат, но если младший не в силах подставить за него голову, то разве он не заслужил отцовской брани? Чего же ты теперь обижаешься?

Старик Яо нахмурился. Эти слова больно жалили. Его жена обычно во всём ему потакала, но характер у неё был твёрдый, и её слово в доме имело вес. Ему пришлось сдержаться, чтобы не прикрикнуть на неё при всех.

— Даже если твой брат не прав, и даже если ты помог ему, не дождавшись благодарности — неужели это повод для обид? Разве не должен ты был костью лечь, лишь бы прекратить эту свалку?

Госпожа Чжао подошла к Яо Юю и с силой ткнула его пальцем в лоб:

— Кто ты такой в этом доме? Если не можешь помочь старшему брату, то цена тебе — грош в базарный день. А раз обижают — терпи и молчи. Кто виноват, что ты рождён от мачехи? Кто виноват, что ты глуп и не так удачлив, как твой брат? Глотай обиды и не смей роптать!

Старик Яо поначалу разозлился на сарказм жены, но, услышав эти резкие слова, понял: она в ярости.

— Ладно тебе, сядь на место. К чему эти сцены? Мало нам позора перед людьми? — Отец понимал, что сейчас Яо Ань не занимает позицию правого, и пошёл на попятную: — Я признаю, что Яо Юю досталось незаслуженно. Но ведь Ань остался без матери, защитить его некому... Вот я и побоялся, что его затрут, потому и... Эх.

— Значит, глава семьи считает, что мы с сыном только и думаем, как обидеть бедного сиротку?
— голос Госпожи Чжао стал пронзительным.

Сегодня она не была той кроткой женщиной, к которой он привык. В каждом её слове сквозил вызов.

— Я не это имел в виду...

Но женщину уже было не остановить:

— Яо Юй ради брата всю жизнь свою загубил, на всё пошёл! И если после этого вы всё ещё боитесь, что он обидит Яо Аня, тогда выход один — пусть отделяется! Уйдёт — и некому будет вашего любимца притеснять!

Младший сын вскинул голову, глядя на мать, но, привыкнув во всём ей доверять, промолчал.

«Может, это такой хитрый план? Матушка не выставит меня за порог на самом деле»

Старик Яо прикусил язык. Он мог потакать старшему в мелочах, но о разделе имущества и слышать не хотел. Ему нравилось чувствовать себя главой большого семейства, живущего под одной крышей. К тому же раздел означал потерю контроля над семейным добром. Он хоть и любил жену и детей, но власть над деньгами из рук выпускать не собирался. Время сейчас беспокойное, а сыновья... Яо Ань хоть и степенный, но туповат, а Яо Юй — то глуп, то вдруг излишне боек, да и ответственности в нём ни на грош. Дай таким волю — и всё нажитое разбазарят за пару лет.

Госпожа Чжао прекрасно знала эти опасения мужа. Раньше она готова была подстраиваться под него, но сегодня, видя обиду сына, забыла о всякой осторожности.

— Раз между братьями легла такая тень, завтра, случись у Яо Аня какая беда, вы снова во всём обвините младшего! Где ему тогда правды искать? — Она была слишком зла, чтобы и дальше играть в счастливое семейство.

Ехидно усмехнувшись, она добавила:

— Мой Яо Юй слишком глуп для ваших интриг, не по Сеньке шапка.

— Да не это я имел в виду! — Старик Яо тяжело опустился на стул и вздохнул.

Он уже жалел, что затеял эту порку. Понимал, что на этот раз перегнул палку.

— Если вы этого не имели в виду, тогда к чему был весь этот цирк? Один отец, одна фамилия — неужели Яо Юй от рождения проклят, раз должен и за брата отвечать, и жизнь свою губить, и от родного отца побои терпеть?

Она повернулась к молчаливому Яо Аню:

— Твой брат ради тебя на такое пошёл, а ты, главный выгодопридатель, даже слова в его защиту не замолвил, стоял и смотрел, как отец его поносит. Раз так, пусть всё будет по-честному: пусть Сун Лян по-прежнему выходит за тебя! Раз отцу Яо Юй не сын, так я ему мать и в обиду не дам. Приданое моё за эти годы скоплено, деньги есть — проживём как-нибудь, сэкономим и найдём ему супруга получше.

Госпожа Чжао краем глаза заметила Сун Ляна, который тенью проскользнул в комнату. Когда она заговорила о разделе, глаза этого паршивца азартно блеснули. А стоило ей упомянуть свадьбу с Яо Анем, как он тут же надулся, а во взгляде, устремлённом на неё, промелькнула нешуточная угроза.

Затем она посмотрела на Яо Юя. Тот только и умел, что плакаться и бежать к матери за защитой.

«Один — вспыльчивый как порох, чуть что — сразу за нож. Другой — безголовый никчёмш, который только и знает, что прятаться за чужую спину. Смогут ли они вообще вместе прожить?»

Впервые женщина усомнилась в правильности своего выбора. Но сейчас ей было не до раздумий. Ей нужно было дожать упёртого старика и выяснить, до какой степени может дойти его несправедливость.

За годы замужества она изучила мужа вдоль и поперёк. Ему было плевать на истину — он всегда принимал сторону того, кто казался ему слабее. Даже если Яо Ань совершит смертный грех, отец всё равно будет его выгораживать, считая жертвой обстоятельств. Поэтому искать промахи старшего сына было бесполезно.

Старик, конечно, любил Яо Аня, но и про Яо Юя не забывал. Просто его тянуло к тем, кого он считал достойными жалости. Раньше это был Яо Ань. Но после всех этих выходов глава семьи, пусть и помалкивал, вряд ли в глубине души продолжал верить в образ наивного бедняжки. И всё же, как бы он ни любил детей, землю и деньги он держал мёртвой хваткой.

Тут Яо Ань, который всегда был хитрее брата, подал голос:

— Это всё моя вина, я подвёл всю семью. Матушка, не прогоняйте брата. Если уж кого и отделять, так это меня — ведь с меня всё началось.

Старик Яо тут же клюнул на эту удочку:

— Ну вот, мать, видишь? Яо Ань признаёт вину. Он молод, оступился, с кем не бывает? Нельзя же его вот так выставлять за дверь.

Госпожу Чжао едва не хватил удар. Она схватила чайник и со звоном швырнула его на пол.

— Оступился, значит? И теперь мы во всём должны винить Яо Юя?!

Она редко выходила из себя, но если доходило до дела, её стоило опасаться — за ней стояли братья и крепкие племянники, готовые в любой момент прийти и спросить за сестру. Глава семьи невольно вздрогнул. Он знал, что жена его не из робкого десятка.

Ярость душила женщину, грудь её бурно вздымалась:

— Глава семьи, я молчала ради мира в доме, и вы прекрасно знаете, сколько нам с сыном пришлось терпеть. Но всякому терпению есть предел! Не вздумайте держать меня за дуру. Проступок Яо Аня — это не просто ошибка. Это пятно на всём роду! Вы во всем ему потакаете, забыв о справедливости. Мой Яо Юй не так хитёр, как его брат, и не умеет вам так угождать. Раз он вам не мил — отделите его, чтобы глаза ваши его не видели!

С этими словами Госпожа Чжао направилась к выходу:

— Если вам хоть немного жаль сына — дайте им с супругом несколько му делянок. А если нет — пусть выживают как знают!

***

Сун Лян, наблюдавший за этой сценой, невольно цокнул языком.

«Неудивительно, что Яо Юй — такой никчёмш. С такой-то матерью ему и впрямь не о чем беспокоиться, вот и вырос совершенно не знающим жизни»

В какой-то миг Госпожа Чжао действительно захотела выселить молодых.

От этих двоих дома всё равно никакого толку, одни убытки. Пусть живут отдельно, а Яо Юй будет время от времени приходить и жалобиться отцу. Пока она в этом доме, своего она не упустит. А без этих «маленьких обуз», тянущих её назад, некоторые её планы будет куда проще воплотить в жизнь.

<http://bllate.org/book/15314/1354416>